
Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ

ПУШКИН И НАША СОВРЕМЕННОСТЬ

1

Мы живем и работаем в великую сталинскую эпоху.

Характерными чертами переживаемого времени, после всемирноисторической победы Советского Союза над немецкими фашистами и японскими империалистами, являются трудовой героизм, мощный подъем народного хозяйства, морально-политическое единство советских людей, расцвет социалистической культуры, искусства и литературы, укрепление нерушимой дружбы народов и усиление советского патриотизма, любви к великой советской Родине, чувство интернациональной солидарности и стремление отстоять дело мира во всем мире.

Страна социализма, вдохновляемая в своем строительстве культуры великими идеями Ленина—Сталина, наследует ценные достижения передовой культуры прошлого и, критически перерабатывая то, что в наследстве «не отошло в прошлое, что принадлежит будущему»,¹ строит свою великую культуру и литературу.

Только наша советская эпоха, осуществившая под руководством партии Ленина—Сталина всемирноисторическое дело строительства социалистического общества, способна сказать, в отличие от предшествующих эпох, новое исторически правдивое слово о Пушкине.

В наши дни советская культура все полнее и все глубже вбирает в себя и осваивает литературное наследие классиков и в первую очередь творчество великого Пушкина.

Большевистская партия всегда указывала на воспитательное и познавательное значение для современности творчества выдающихся писателей прошлого.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 297.

В. М. Молотов в докладе о XXII годовщине Октябрьской революции говорил: «... все действительные достижения культуры народов, как бы они далеко не уходили в прошлое, высоко ценятся в социалистическом государстве и встают теперь перед своим народом и перед народами всего Советского Союза возрожденными, в своем действительном идейном блеске. Большевики не из числа людей, не помнящих родства с своим народом. Мы, большевики, вышли из самой гущи народа, ценим и любим славные дела истории своего народа, как и всех других народов. Мы хорошо знаем, что настоящий прогресс, который возможен только на базе социализма, должен опираться на всю историю народов и на все их достижения в прошлых веках, должен раскрыть подлинный смысл истории жизни народов, чтобы полностью обеспечить славное будущее своего народа и, вместе с тем, светлое будущее всех народов».¹

Неисчислимы и неиссякаемы сокровища русской культуры. Русская наука, литература и искусство оказывали и оказывают благотворное влияние не только на все народы нашей страны, но и на народы всего мира.

Передовому человечеству хорошо знакомы великие творения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Горького, Маяковского.

Главная отличительная черта творчества русского народа и его литературы — это освободительные, прогрессивные идеи, идеи борьбы за лучшее будущее человечества. Русскому народу чужда национальная ограниченность. Он бережно относится к культурным сокровищам других народов.

Ц. О. «Правда» отметила взаимное творческое содружество литератур братских народов в условиях советской власти.

«Горячей дружбой спаяны народы Советского Союза, — читаем в передовой «Правды». — Великий русский народ возглавил борьбу всех других народов за свое освобождение.

«В нашей стране происходит замечательный процесс культурного сотрудничества народов. Один народ обогащает своей культурой другой. Пушкин пришел и к узбекам, и к таджикам..., ко всем народностям, приобщенным революцией к культуре великого русского народа. В свою очередь русский народ многое взял из духовной сокровищницы других народов. Только революция по-настоящему открыла Шевченко и Руста-

¹ «Большевик», 1939, № 21, стр. 8—9.

вели, дала выход таким сверкающим талантам, как Джамбул и Стальский. Этот процесс взаимного духовного обогащения народов составляет нашу гордость».¹

24 мая 1945 года на приеме в Кремле в честь командующих войсками героической Советской Армии великий пождь и полководец, вдохновитель и организатор всех наших побед товарищ Сталин поднял тост за здоровье советского народа и прежде всего русского народа, как наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Русский народ, сказал товарищ Сталин, «... заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны».²

Товарищ Сталин провозгласил здравицу в честь русского народа «... не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение».³

Проникновенная, сердечная здравица товарища Сталина в честь русского народа выразила горячую любовь и уважение всех народов Советского государства к своему старшему брату — русскому народу. Эти любовь и уважение сложились в ходе исторического развития нашей страны и являются закономерным результатом самоотверженной борьбы русского народа за свободу и национальную независимость народов, за освобождение трудящихся от оков капитализма, за победу социализма.

Не раз в прошлом русский народ ограждал другие народы от варварских нашествий, а европейскую цивилизацию — от уничтожения. Могучей грудью своею, ценой огромных жертв и лишений он защитил независимость европейских народов от татаро-монгольского нашествия и от иных завоевателей.

В величественной истории нашей Родины гений Пушкина блистает, как звезда первой величины. Величие Пушкина символизирует и отражает величие выдающейся русской нации. Пушкин воспел великий подвиг русского народа, который в войне 1812 года отстоял свою независимость и освободил народы Европы от владычества Наполеона. Этот героизм родного народа запечатлелся на всю жизнь в сердце поэта и стал неиссякаемым источником его патриотизма.

¹ «Правда», 1938, № 335, 5 декабря.

² И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е, стр. 196.

³ Там же.

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», — сказал поэт.¹

Пушкин посвятил свою поэзию борьбе за освобождение своего народа. Его поэзия была «эхо русского народа». Вера в могучие силы родного народа внушила Пушкину замечательные пророческие слова:

... дороги верно
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды...²

В этой связи поэта с народом разгадка того, почему Пушкин был и остается до сей поры великим поэтом великого русского народа, поэтом, творения которого будят отклик в сердцах людей сталинской эпохи. Поэтическое наследие Пушкина неразрывно связано с величием и славой русского народа.

Пушкин — достояние всех видов культуры советского общества: художники и композиторы, музыканты и писатели, — словом, все обращаются к Пушкину, как к гению, вдохновляющему их творчество.

Пушкин и советская культура — тема значительная, важная. Важно разобраться и в том, как советские литературоведы постигают творения Пушкина.

2

Наша советская эпоха открыла новые стороны в творческом облике поэта. Люди страны победившего социализма ценят в Пушкине гениального поэта, связавшего свой стих еще в эпоху крепостничества с революционным движением своей родины, с борьбой за освобождение и процветание своего народа.

Советские литературоведы, продолжая традицию революционных демократов, видят в Пушкине гениального поэта-патриота, верно служившего своему народу, страстно желав-

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 55. — В дальнейшем цитируется это издание (т. I—XVI, 1937—1949).

² То же, т. VI, 1937, стр. 153.

шего ему добра, содействовавшего распространению просвещения в России. Вопреки представителям либерально-дворянской эстетской критики прошлого века, которые, грубо фальсифицируя Пушкина, объявляли его поэтом «чистого искусства», советская критика утвердила в сознании широких кругов читателей представление о Пушкине, как о поэте — общественном борце против самовластья и крепостничества.

Современное пушкиноведение преодолело и другие существенные ошибки в понимании творчества поэта, присущие либерально-буржуазному литературоведению.

Одно заблуждение состояло в преувеличенной оценке значения всевозможных книжных воздействий на юного Пушкина и одновременно в преуменьшении решающего воздействия в процессе формирования Пушкина исторической русской действительности, в условиях которой протекали отроческие годы «лицейского» Пушкина.

Современное пушкиноведение раскрыло несостоятельность этого пути изучения Пушкина и показывает то огромное значение, какое имели для поэта и людей его поколения Отечественная война 1812 года и связанный с нею могучий подъем национального самосознания.

Нельзя без волнения читать строки Пушкина, в которых он выразил свои чувства, свое настроение, которое было пережито им и внушено событиями великой борьбы русского народа с вторгшимися врагами.

А я... вдали громов, в сени твоей надежной...
Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!
Увы! мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!..
Сыны Бородина, о Кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом наутре не почил?
Почто великих дел свидетелем не был?

(„На возвращение...“)

Шестнадцатилетний юноша-поэт грустил о том, что он не покрыл себя ранами за родину. Но он был причастен к этой великой битве родного народа: дух патриотического воодушевления окрылил его душу и пробудил в его поэзии вещие звуки, пламень которых не угас и для нашего времени.

Произведения последующих лет, созданные на Псковской земле, где окреп и заблестал творческий гений Пушкина, восхищают нас глубоким постижением народных дум и чаяний, горячей верой в народные массы, как силу исторического процесса.

Далее, советское пушкиноведение наших дней решительно отвергло пристрастие буржуазных ученых искать в поэзии Пушкина следы и отзвуки западноевропейских влияний и вопреки этому идет по пути обнаружения национальных истоков и творческих традиций родной литературы, сказавшихся в поэзии Пушкина.

Сам Пушкин отвергал домыслы современных ему критиков о неоригинальности некоторых его произведений. В ответ на поиски следов подражания Байрону в романе «Евгений Онегин» великий поэт возражал: «Никто более меня не уважает Дон Жуана... , но в нем ничего нет общего с Онегиным» (в письме к А. Бестужеву от 24 марта 1825 года; XIII, 155).

Белинский блестяще защитил самостоятельность и независимость Пушкина от Байрона: «Пушкин писал о России для России, — и мы видим признак его самобытного и гениального таланта в том, что, верный своей натуре, совершенно противоположной натуре Байрона, и своему художническому инстинкту, — он далек был от того, чтобы соблазниться создать что-нибудь в байроновском роде... Он заботился не о том, чтоб походить на Байрона, а о том, чтоб быть самим собою и быть верным той действительности, до него еще непочатой и нетронутой, которая просилась под перо его. И зато его *Онегин* — в высшей степени оригинальное и национально-русское произведение».¹

Поэт указывал на вдохновлявшие его традиции родной литературы. «Вслед Радищеву восславил я свободу», — писал он. Современные изучения этой линии идейного родства Пушкина с Радищевым, Крыловым и другими видными деятелями литературы XVIII века убеждают в плодотворности преодоления враждебной традиции компаративизма, проникнутого чуждым советской науке духом космополитизма и сводившего все дело изучения творчества великого поэта к бесплодным «параллелям» из западноевропейских литератур.

Современное пушкиноведение покончило навсегда с крепко укоренившейся гипотезой, что в глазах Пушкина «Радищев

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XI, 1917, стр. 83. — В дальнейшем цитируется это издание (тт. I—XIII, 1900—1948).

был жертвой „заблуждений века“, и расхождение между ними было принципиальным и глубоким».¹

В наши дни пушкиноведы, устанавливая идейно-художественную преемственность Пушкина с XVIII веком, сумели наметить и обосновать дальнейший путь развития передовой русской культуры от Пушкина и Гоголя к Белинскому, а затем к Некрасову и Чернышевскому, к Горькому и Маяковскому и дальше к творческому восприятию пушкинского начала в советской культуре последних лет.

Особенно важно было установить идейную связь между Пушкиным и последующим развитием литературы, важно сделать опорным пунктом изучения истины, что Пушкин — деятель первого периода русского освободительного движения, достойным образом оценивший высшее достижение русской освободительной мысли предшествовавшего периода — идей Радищева, протянул руку одному из первых представителей нового поколения в освободительном движении — Белинскому.

Белинский, определяя величие Пушкина как национального поэта, указал на его близкую связь с предшественниками и подчеркнул, что Пушкин не только завершил начатый до него путь, но и начал новый этап в развитии литературного процесса: «Можно сказать и доказать, что без Державина, Жуковского и Батюшкова не было бы и Пушкина, что он их ученик; но нельзя сказать, и еще менее доказать, чтоб он что-нибудь заимствовал от своих учителей и образцов, или чтоб где-нибудь и в чем-нибудь он не был неизмеримо выше их» (XI, 331).

Мысль Белинского о том, что Пушкин открыл качественно новый путь в развитии литературы, послужила толчком для плодотворных исследований в советском пушкиноведении.

Ценно и своевременно то, что советские литературоведы могут дать ответ и на вопрос, как смог Пушкин выразить столь глубокие идеи, что они не утратили значения до сих пор, почему мы находим в творениях Пушкина «то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему»,² т. е. нашему веку.

Гениальные указания И. В. Сталина в его трудах по вопросам языкознания направляют внимание литературоведов на правильное решение вопроса об идейной преемственности наследия Пушкина для культуры социалистических наций.

¹ П. Н. Сакулин. Пушкин и Радищев. Изд. «Альциона», М., 1920 стр. 70.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 297.

3

Последние годы в пушкиноведении представляют собой пробог такой скорости и значимости, что эти годы составят, несомненно, новый этап, важнейший по своим последствиям для последующего развития пушкиноведения. В эти годы заложены основы для объяснения и постижения таких сторон в историческом облике и творчестве Пушкина, как средоточия великой культуры русского народного гения 20—30-х годов прошлого века, таких сторон, которые определяют истоки, корни и пути развития нашей литературы в прошлом и помогают понять смысл настоящего и будущего ее движения.

Исторические решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, доклад тов. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», выступления партийной печати с разоблачением антипатриотической группы критиков-космополитов, оказав неоценимую помощь в борьбе с формализмом, космополитизмом, компаративизмом и другими идеалистическими взглядами на творчество Пушкина, направили нашу науку на верный и плодотворный путь изучения исторического своеобразия и независимости Пушкина от зарубежных воздействий.

Для всего творчества Пушкина — от ранних его произведений до последних, от «Бориса Годунова» и до «Капитанской дочки» — основу, питательный источник советские литературоведы находят в народных крестьянских освободительных устремлениях к свободе, к независимости, против гнета крепнищества.

Свободолюбивые устремления Пушкина возвышали его над передовыми мыслителями Запада, ставили его впереди их. Пушкин опережал не только туманные романтические мечты буржуазных «благородных друзей» человечества, но и незрелые теории социалистов-утопистов с их теорией мирного переустройства, с теорией гармонии классовых интересов.

Историческое своеобразие русской действительности, с ее резкими социальными противоречиями, не позволяло Пушкину уходить в мир абстрактных заоблачных мечтаний, легко обнажал перед ним неприложимость социальных рецептов западноевропейских мыслителей и высоко поднимало его над ними как мыслителя-патриота, тесно связанного с освободительным революционным движением в стране.

Современные литературоведы и историки убедительно доказали, что русская передовая мысль, в отличие от западноевропейской, в первой половине XIX века была порождена народным революционно-освободительным движением крестьянских масс.

Русская передовая мысль не отгораживалась от зарубежных просветительских идей и революционных течений мысли, а, наоборот, впитывая все новое и прогрессивное, создаваемое на Западе, творчески воспринимала и перерабатывала в своем сознании применительно к русской действительности.

И в этом деле русская передовая мысль оказалась вполне самостоятельной, независимой, больше того, русская передовая мысль шла дальше и была прогрессивнее западноевропейской, ей была видна ограниченность буржуазного просветительства. И в творчестве Радищева, понимавшего ограниченность Вольтера, Дидро, Руссо и других, и в творчестве Пушкина мы находим доказательство этого.

Пушкин был на уровне прогрессивных идей своего времени и в решении многих вопросов возвышался над передовыми деятелями Запада.

«... Литератор обязан хорошо знать все, что творится вокруг него, — указывал Горький, — знать действительность, в которой он живет, и работу сил, которые двигают ее...»¹

Пушкин знал эту истину и претворял ее в жизнь.

Пушкин хорошо был знаком с историей и событиями Западной Европы. Он высоко ценил французскую революцию конца XVIII века. Но он понял, что воцарение капитала после революции 1793 года не обеспечило народу свободы и процветания культуры. За год до смерти Пушкин с воспоминаниями об эпизодах социальной борьбы на Западе обращается к друзьям своей юности и в смене феодализма капитализмом не видит ничего отрадного для человечества:

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.
(„Была пора: наш праздник молодой...“,
1836)

В другом стихотворении 1830 года, «К вельможе», Пушкин еще полнее раскрыл свое понимание исторического процесса на Западе. Пушкин выразил глубокую мысль о неизбежности смены феодализма капитализмом, а затем и смены последнего, ибо, по его убеждению, пришедшая к власти после революции буржуазия оказалась бессильной создать что-либо значитель-

¹ М. Горький. Литературно-критические статьи, 1937, стр. 432.

ное. Внимание людей того времени было приковано к тому, что выразительно было сформулировано в лозунге Людовика-Филиппа: «Обогащайтесь!»:

Свидетелями бьвч вчерашнего паденья,
 Едва опомнились младые поколенья.
 Жестоких опытов собирая поздний плод,
 Они торопятся с расходом счастье приход.
 Им некогда шутить, обедать у Темиры,
 Иль спорить о стихах...

Так попран закон, добытый грозной свободой, так снижена революция, пред величием которой должны потускнеть и утратить значение меркантильные интересы. На деле оказалось другое. Пушкин и осуждает за это общество.

«Но грусть Пушкина не есть сладенькое чувствованьице нежной, но слабой души, — сказал Белинский, — нет, это всегда грусть души мощной и крепкой... Пушкин никогда не расплывается в грустном чувстве; оно всегда звенит у него, но не заглушая гармонии других звуков, и не допуская его до монотонности» (XI, 355), ибо у Пушкина был свой «идеал», идеал высокий, не равный идеалу Запада.

Мы теперь знаем, что шестивие капитализма на Западе в те годы приводило личность к разрушению, к обеднению ее духовного содержания, ее мира переживаний. В капиталистическом обществе активная творческая личность становилась индивидуалистически замкнутой, эгоистически расчетливой и мешански ограниченной. Маркс эту судьбу пророчил и Байрону: «... считают счастьем, что Байрон умер на тридцать шестом году своей жизни, так как он превратился бы в реакционного буржуа, останься он жить дольше...»¹

На мрачном фоне тогдашней действительности одно только пробужденное в те годы на Западе национально-освободительное движение, — не взирая на страшные последствия наполеоновской катастрофы и упорные попытки феодальной реакции отстоять свое существование, — росло и ширилось, привлекая к себе симпатии лучших людей России, в их числе и Пушкина. Но и это светлое явление угасло на Западе быстро в конце 20-х годов. Революции в 20-х годах в Германии, Италии, Испании, Греции вырождались в мимолетные потрясения, внушавшие лучшим людям того времени даже разочарование.

¹ Маркс и Энгельс об искусстве, 1933, стр. 136—137.

«Успехи» же буржуазии в 30-х годах, — как буржуазии французской, победившей в июне 1830 года и расстрелявшей в ноябре лионских рабочих, так и буржуазии английской, после победы в 1832 году издавшей в 1834 году закон о бедных и о рабочих домах, бывших на деле «каторжными тюрьмами» для безработных, — не пробуждали в душе Пушкина, как видно из цитированных его стихотворений 1830 и 1836 годов, ни радостных чувств ожидания, ни восторженных лучезарных иллюзий.

Добавим, что Пушкин осуждал бесчеловечность капиталистической эксплуатации на Западе (в Англии) и в США (негры, индейцы), о чем и писал в последние годы своей жизни.¹

Пушкину была ясна хищническая, эксплуататорская сущность буржуазного строя, прикрывавшегося идеями свободолюбия и гражданственности. Он не принимал его и осуждал за попрание прав человека на свободу и счастье.

У Пушкина было трезвое отношение и к властителю дум литературной Европы — Байрону — и его творениям. Пушкин осудил излюбленного героя Байрона — героя-индивидуалиста. И в «Цыганах», и в «Евгении Онегине» он развенчал этого героя. В третьей главе «Онегина» он писал:

Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в унылый романтизм
И безнадежный эгоизм.

Пушкин критиковал Байрона за художественный метод, он порицал его гордое презрение действительности. Пушкину были органически чужды и другие черты Байрона: скептицизм, отчуждение от жизни и уход во внутренний мир, абстрактное свободолюбие, пренебрежение к идеям (как отметил в Байроне Мериме) и неверие в будущее. После смерти Байрона в Греции поэт писал Вяземскому, намекая на идейное оскудение творчества английского поэта, что «гений Байрона бледнел с его молодости» (XIII, 99). Пушкин противостоит Байрону как поэт русской действительности, чуткий к современности, к зову времени, как преданный певец политической свободы, страстно веривший в светлое будущее русского народа.

Критика Байрона со стороны Пушкина была критикой политического друга, видевшего слабости и отставание передового человека Запада. Пушкин видел это как передовой русский человек и осудил Байрона.

¹ См. «Путешествие из Москвы в Петербург» (1834) и «Джон Теннер» (1836).

Еще Герцен подметил это, расхождение: «К концу своей литературной карьеры Пушкин и Байрон совершенно удаляются друг от друга, — и это по очень простой причине: Байрон был англичанин до глубины души, а Пушкин — до глубины души русский. . . Пушкин знал все страдания цивилизованного человека, но у него была вера в будущее, которой человек Запада уже лишился. . . он обладает инстинктивной верою в будущность России».¹

Герцен верно констатирует факты и направляет нашу мысль на освещение вопроса об историческом своеобразии Пушкина. Почему у русского поэта осталась неисчерпаемой тяга к действительности и вера в будущее, что утратил человек Запада — Байрон? Почему поэзия Пушкина, как сказал Белинский, «. . . чужда всего фантастического, мечтательного, ложного, призрачно-идеального; она вся проникнута насквозь действительностью; она не кладет на лицо жизни белил и румян, но показывает ее в ее естественной, истинной красоте; в поэзии Пушкина есть небо, но им всегда проникнута земля» (XI, 395).

Ответ на эти вопросы дает наша современность.

Социально-исторические условия русской действительности повышали идейное сознание русских писателей, ибо в России, как метко указал М. Горький, «политические вопросы просачивались в душу человека извне даже тогда, когда сам он не хотел этого». В силу этого русская литература и, в частности, поэзия Пушкина «стояла в теснейшей связи с революционными течениями». На основании этого М. Горький сделал верное обобщение, что «. . . русский литератор. . . в своих образах и обобщениях шире и объективнее литератора западного, ибо, даже будучи по основам психики своей человеком классовым, он был понуждаем возвышаться над узкими задачами своего класса, был принужден заботиться не столько о выработке классовой идеологии, сколько о борьбе против идей и действий правительства».²

Живой и убедительный пример — Пушкин — свидетельствует, по мнению Горького, об этом, как и о том, что писатель выдвинул принципы пользы человека для общества, осознания своей человеческой ценности и внутренней свободы, защищал мысль, что «. . . литература — национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце, . . . в его глазах поэт — выразитель

¹ А. И. Герцен. Избранные сочинения. Гослитиздат, 1947, стр. 394.

² М. Горький. История русской литературы. 1939, стр. 86.

всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни».¹

В свете всего этого какими нелепыми представляются утверждения некоторых современных историков литературы о зависимости политических воззрений Пушкина от западного либерализма периода Реставрации: от мадам де-Сталь, Бенжамена Констана и других.

Устремление к реализму и к сокровищнице народного поэтического творчества, интерес к героическим страницам народного прошлого и вождям народных восстаний, как поэтическим лицам родной истории, — весь этот полноводный демократизм, порожденный глубиной народной русской жизни, произвел то, что для Пушкина «интересы всей нации выше интересов одного дворянства», ибо, как указывает Горький, «его личный опыт был шире и глубже опыта дворянского класса».²

В том же духе писал и Белинский: «... Пушкин более национально-русский поэт, нежели кто-либо из его предшественников...» (XI, 392). В то же время Белинскому было ясно, что Пушкин-дворянин возвышался над своим классом: «Везде видите вы в нем человека, душою и телом принадлежащего к основному принципу, составляющему сущность избражаемого им класса; короче, везде видите русского помещика... Он нападает в этом классе на все, что противоречит гуманности...» (XII, 144).

Современные советские исследователи установили факт, что «... Пушкин не только догнал в своем литературном развитии, но и перегнал Западную Европу. С 1823 г. он начал писать главы „Евгения Онегина“ — не только первого произведения, которым Пушкин, говоря словами Добролюбова, совершил „открытие действительности“ в русской литературе, но и произведения, которое явилось первым же великим подлинно реалистическим созданием всей мировой литературы XIX в., в своем роде никем не превзойденным».³

К этому надо добавить, что реализм Пушкина был основан на столь высоких началах идейности, что стал истоком для творчества последующих поколений передовых русских писателей и писателей Запада.

Совокупность освободительных и патриотических идей, заложенных в творениях поэта, возвышает гений Пушкина, ста-

¹ М. Горький. История русской литературы. 1939, стр. 91.

² Там же, стр. 104.

³ Д. Д. Благой. Мировое значение русской классической литературы. Изд. «Правда», М., 1948, стр. 15.

вит его намного выше передовых мыслителей Европы своего времени.

4

Спрашивается, что же возвышало нашего великого поэта, что давало ему право так глубоко и правдиво понять изнанку жизни капиталистического общества и осудить ее? Что же обеспечило ему эту идейную победу?

Жизнь русского народа, его борьба против крепостничества, борьба за честь и независимость Родины, — все это вдохновляло поэта.

За фасадом царской империи, под гнетом крепостного права кипели могучие творческие силы народных крестьянских масс. Крепостные массы внушали лучшим русским людям те демократические и освободительные идеи, сила и высота которых превосходили идейный уровень передовой мысли Запада.

Глубокие думы о своем народе, волнующие воспоминания о самоотверженных подвигах народных вождей (Разина, Пугачева) и о героической борьбе всего русского народа, тихие минуты созерцания природы и страстные мечты о счастье народных масс, — вот то царство, где зрела идейная сила Пушкина.

Пушкин искренно гордился своей родиной. Он ссылался при этом на величавый облик народа: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего» (XI, 258).

Пушкин высоко оценивал народную поэзию. Перед взором поэта выростала историческая несправедливость угнетенного положения народа, и Пушкин признавал за русским народом право выступать в свою защиту против угнетения и произвола. Симпатии его были на стороне народа. В повести «Капитанская дочка» показаны народные массы как движущая сила истории, способная выделять из своей среды достойных вождей.

Мысль о политической борьбе народных масс — новая победа гения Пушкина, победа всемирноисторического значения, одержанная им раньше других.

Советское пушкиноведение, раскрывая всю глубину взглядов Пушкина, вместе с тем не забывает об ограниченности историзма Пушкина. Поэт не верил в «насильственные потрясения политические, страшные для человечества», и не видел в крестьянском мятежном движении благодетельного выхода из противоречий жизни.

Пушкин усматривал в крестьянском восстании грозную и могучую, но и разрушительную силу. Стихийный характер крестьянских восстаний, — этот «бунт бессмысленный и беспощадный» (Пушкин), — внушал ему опасения и боязнь.

Пушкин не переоценивал исторического значения крестьянского восстания, которое, как указал И. В. Сталин, без поддержки революционного пролетариата не приводит к победе. «Крестьянский бунт бесплоден, он грозит ослабить мощь государства...», — думал Пушкин, — это и вызывало сомнение у Пушкина, не давая ему возможности выйти из круга идей просвещенного дворянства и стать на точку зрения крестьянской революции, как это сделали революционеры-разночинцы.¹

Подъем и рост крестьянских движений в 20—30-е годы был той благодатной почвой, которая растила и питала великий гений Пушкина, его освободительные идеи, которыми пронизано его творчество.

Еще в 1840 году великий критик Белинский разглядел в поэзии Пушкина проявление гения народа: «Да, мы уже имеем поэзию, которую смело можем соперничествовать с поэзией всех народов Европы... Мы думаем, что причина этого дивного явления заключается в глубине и могуществе духа народа, в сокровенном источнике его внутренней жизни, который горячим ключом бьет во внешность...; наша художественная поэзия, в созданиях Пушкина, стала наряду с поэзией всех веков и народов» (V, 130—131).

Острота социальных противоречий в жизни страны, наблюдаемая Пушкиным, где с одной стороны стоял крепостник-помещик, а с другой — угнетенный крестьянин, и невозможность разрешения этой коллизии в условиях того времени, поскольку в стране не было революционного пролетариата, была не только причиной глубоких раздумий поэта, но и источником прочности его революционных убеждений.

Своеобразие русской действительности, раздираемой противоречиями, на одном полюсе которых был барин, а на другом — мужик, внушало Пушкину такие идеи, такие мысли, которые направляли его в сторону демократии, в сторону тех просветительских устремлений, которые могли быть осуществимы на новом этапе исторического развития. Его поэзия никогда не чуждалась революции; даже в годы страшной николаевской реакции она спасала честь русской музыки, мужавшей вместе с ростом революционных освободительных настроений в стране:

¹ В. В. Е р м я л о в. Наш Пушкин. Гослитиздат, М., 1949, стр. 70.

«Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений, — писал Герцен, — эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполнила мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему».¹

Недаром Белинский, осторожно намекая на связь поэта с декабристами, указал на то, что Пушкин пошел дальше их: «Как человек, Пушкин отразил на себе всю неопределенность и шаткость направлений и убеждений своего времени...; становясь поэтом, он опережал их на целые веки» (X, 317—318).

Политическая реакция в лице царя и его приспешников сковывала гений Пушкина, но она не могла загасить или приостановить полет его гениальной мысли. Да и позднее буржуазное общество не могло понять всю глубину идейных замыслов поэта, как не могло оценить и величия Пушкина.

5

В Пушкине нас покоряет его неиссякаемая вера в разум, в светлое начало человеческой души. В полосу мрачного мистического угара, захватившего высшее общество, в годы романтического мечтательства наш поэт шел путем реализма, освещая себе этот путь ясным, немеркнувшим светом разума. Глубокое чувство любви к народу сопровождало всю жизнь Пушкина. Известно его подлинно гуманное отношение к крепостному народу.

Подлинно демократические настроения поэта объединялись с неиссякаемой верой в творческие силы русского народа и с ясным пониманием исторической обреченности аристократии, оправдавшимся историческим развитием России.

Сейчас мы по-новому читаем и осмысливаем такую завуалированную тираду, размышление Пушкина:

«Освобождение Европы придет из России, ибо только там предрассудок аристократии совершенно отсутствует. В других странах верят в аристократию... В России ничего подобного. В нее «в аристократию» не верят, вот и все» (XII, 207, 485).

Под видом выписки из Гейне поэт не высказал ли собственного убеждения, хорошо согласующегося с общей концепцией его взглядов на феодализм, светскую чернь и т. п.?

Пушкин осудил угнетение и самовластие, он подверг критике войну и ее бессмысленность: «Невозможно, чтобы люди со временем не уразумели смешную жестокость войны, как

¹ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. VI, 1919, стр. 365.

они уразумели существо рабства, царской власти и т. д. Они увидят, что наше предназначение... быть свободными» (XII, 189, 480). Пушкин провозгласил свободу, как естественное состояние людей.

Для всех нас бесспорна мысль о том, что Пушкин с нами, что имя Пушкина светит ярким маяком для всех тех, кто стоит за народные интересы, против реакции, против эксплуататоров и врагов демократии.

Пушкин зовет на борьбу за права человечества и по сие время. Известный чешский деятель культуры Зденек Неedly очень ясно подчеркивает это значение Пушкина в текущий момент: «Во всем мире должно звучать новый, советский Пушкин. Ведь сегодня во всем капиталистическом мире положение человечества нисколько не лучше, чем во времена Пушкина. Гениальные и могучие пушкинские стихи — мощный зов к народам подняться на борьбу за свои права, за права человечества. Пусть во всем мире юбилей Пушкина будет не только юбилеем поэта, а выражением стремлений к лучшей жизни, непреклонной решимости отвоевать ее в жестокой борьбе».¹

Демократическая общественность Болгарии не менее ярко определяет устами Камена Зидарова политическое значение Пушкина для переживаемой современности: «И ныне, когда юбилей Пушкина (речь идет о юбилее 1949 года, — Н. Б.) совпадает с великой борьбой за мир прогрессивного и демократического человечества против поджигателей новой войны, когда впереди демократического и прогрессивного мира идет миролюбивое славянство во главе с непобедимым Советским Союзом, — с какой жестокой обвинительной силой звучат слова поэта против тех новых „клеветников России“, которые хотят забыть, что сделали советские народы для избавления мира от фашистского ига, и прилагают преступные усилия для организации нового похода против СССР!».²

Юность, зрелость, старость — все возрасты людей черпают в поэзии Пушкина светлые, отрадные чувства и настроения.

Наша советская молодежь искренно и с большим волнением говорит о благотворном воздействии Пушкина на нее.

Ученица 10-го класса советской школы Р. Мусалова пишет: «Простота, ясность, глубина, задушевность и чистота мыслей Пушкина о любви и дружбе делают его лирику органически

¹ Цитирую по статье Льва Кишкина «Пушкин в Чехословакия». «Новый мир», 1949, № 6, стр. 246.

² Цитирую по статье акад. Н. С. Державина «Пушкин в Болгарии». «Знамя», 1949, № 6, стр. 188.

созвучной нашему времени; лирические стихотворения Пушкина имеют большое значение для морального воспитания нашей молодежи. Его поэзия развивает чувство красивого, гуманного, разумного, она помогает воспитывать уважение к достоинству человека. И я, татарка по национальности, от всей души приношу Пушкину благодарность за то воспитание, которое он мне дал.¹

Слова Пушкина звучат и по сей день, как яркий призыв к великому, светлому делу. Выпускник Феликс Волков, вдохновленный поэзией Пушкина, дает Родине обещание за себя и за товарищей быть беззаветным строителем коммунизма:

«Теперь, когда мы уходим из стен школы, ставших родными, мы думаем, как жить, что делать дальше. На этот вопрос один ответ: мы будем трудиться упорно, настойчиво, мы отдадим все свои силы, все знания великому делу построения коммунизма, о котором мечтали лучшие умы человечества, к которому стремятся трудящиеся всего мира.

«Я твердо уверен, что коммунизм будет построен, что нам суждено видеть светлую коммунистическую действительность. Для того чтобы сделать коммунистическое „завтра“ коммунистическим „сегодня“, я обращаюсь к каждому десятикласснику, сдающему сегодня свой первый экзамен, к каждому советскому молодому человеку с пушкинскими словами: — „Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!“».

«Говорить о Пушкине в 1950 году значит говорить о небывалом расцвете нашей советской социалистической культуры. Вместе с развитием культуры растет и значение Пушкина.

Благородный подвиг жизни и творческой деятельности великого поэта получил восторженное признание всех братских народов нашей страны. Поэтическое наследие Пушкина стало теперь поистине всенародным достоянием.

Пушкин пришел теперь ко всем братским народам нашего Отечества и стал известен и тем народам, которые до Октябрьской революции не имели своей письменности.

Пушкин был и остается для всех людей созидательного труда чутким и внимательным другом, мудрым наставником и горячим сторонником осуществленной нашей эпохой задачи — *слить поэзию с жизнью*.

Для нас, действительно, *прекрасное есть жизнь*, для советских поэтов наша действительность *стала поэтической*.

Для Пушкина это — мечта, для нас это — реальность.

¹ «Знамя», 1949, № 6, стр. 192

² «Правда». 1950, № 141 (11613), 21 мая.

Так идет вперед славная наша Родина, наш народ, которого Пушкин любил горячо и безраздельно.

Пушкин — «начало всех начал», по слову Горького, «основоположник поэзии нашей и всем нам навсегда учитель»¹ — нашел и достойных ценителей его поэзии в лице советских людей, людей сталинской эпохи.

Слова советского поэта Джамбула наиболее полно выражают мысли и чувства советского народа, питаемые к неумирающему Пушкину:

Читают тебя с упоеньем в глазах
Башкир и туркмен, белорусс и казах.
Из песен твоих не забыть ни одной, —
Ты, Пушкин, народному сердцу родной!

И. В. Сталин в своем гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» указывает на великое значение языка Пушкина как на основу современного литературного языка. Это сталинское указание наполняет сердца всех деятелей советской культуры и советской литературы чувством законной гордости за великого поэта.

«Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет, — сказал И. В. Сталин. — За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина».²

Это высказывание И. В. Сталина о языке Пушкина, о непреходящем значении его для нашего времени, указывающее на гениальное разрешение Пушкиным проблемы дальнейшего развития языка путем развития общенародных начал, общенародных элементов, обязывает советских пушкиноведов направить свои силы и внимание на изучение поэтического языка Пушкина, на изучение того великого вклада, который внес Пушкин в сокровищницу великого русского языка.

Гениальные указания И. В. Сталина об историческом неувядаемом значении языка Пушкина открывают новую страницу в пушкиноведении. Советские литературоведы со-

¹ См.: П. Максимов. О Горьком, 1939, стр. 31, и Дм. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи, 1940, стр. 22.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950, стр. 7.

вместно с языковедами, руководясь гениальными указаниями И. В. Сталина по вопросам языкознания, должны в дальнейших своих изучениях показать роль Пушкина в деле создания литературного языка, историческое значение его борьбы за обогащение и за чистоту русского литературного языка.

Советские литературоведы должны конкретно раскрыть, как богатства пушкинского языка, порожденные тесной связью великого поэта с жизнью своего народа, помогли развитию художественной литературы.

Горький отметил выдающееся языковое мастерство Пушкина и то, что Пушкин «первый... показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его».¹

Пушкин ясно представлял себе значение преимущества в жизни языка, разгадав истину, что литературный язык должен черпать свои силы из неиссякаемого источника народного и разговорного языка; ему было ясно и различие между этими стихиями: «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? — ставил вопрос в 1836 году Пушкин и отвечал: — Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному... Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка» (XII, 96).

Пушкин завещал писателям изучать народный (Пушкин говорил «простонародный») язык и народное поэтическое творчество: «Вслушивайтесь в простонародное наречие, молодые писатели — вы в нем можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах... Читайте простонародные сказки, молодые писатели — чтоб видеть свойства русского языка» (XI, 71, 72).

Пушкинские замечания о языке звучат сейчас как гениальные догадки. Такова, например, его отповедь по адресу тех, кто привык подсчитывать в русском языке одни только заимствованные слова: «Г. Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя

¹ М. Горький. О литературе, изд. 3-е, 1937, стр. 220.

варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства? . . . Как бы то ни было, едва ли пол-сотни татарских слов перешло в русский язык» (XI, 32).

Пушкин с благородной патриотической гордостью выразил мысль о великом значении русского языка для национального самосознания писателя. Русский язык в глазах Пушкина — сокровищница мыслей, идейная питательная почва, богатство которой обеспечивает творческую силу передового народного деятеля. «Только революционная голова. . .», — писал Пушкин в 1823 году, — может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык.

Все должно творить в этой России и в этом русском языке» (XII, 178).

Сейчас, когда идет решительная борьба за мир во всем мире, против американо-английских поджигателей войны, неизмеримо возрастает значение советской литературы как самой передовой в мире и русской классической литературы, с ее родоначальником Пушкиным. Наша литература содействует идейному вооружению борцов за мир, она стала могучей силой в борьбе за освобождение человечества от бредовых человеконенавистнических замыслов заправил Уолл-стрита.

Растрепанной культуре американо-английских империалистов и ее представителям, являющимся лакеями своих хозяев, противостоит светозарный облик величайшего гуманиста и жизнелюба Пушкина, разоблачавшего всякого рода стяжательство.

Поэт в тесном общении с родным народом питал свою неиссякаемую веру в светлое будущее, в силы и великий государственный разум русского народа.

Мракобесам с Уолл-стрита мы можем противопоставить испепеляющие их замыслы слова Пушкина, вдохновлявшие на борьбу многие поколения лучших людей, о непреклонной уверенности в победе сил света над силами мрака:

Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Пушкин — не поэт прошлого, он вечный, бессмертный поэт, а значит он — наш нынешний день, он — наша неугасимая радость и наша непреходящая гордость.

И. В. Сталин в своей исторической речи 6 ноября 1941 года в ряду дорогих каждому советскому человеку имен, воплощающих величие русской нации, назвал имя Пушкина.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ
ПЕРВОЙ и ВТОРОЙ
ВСЕСОЮЗНЫХ
ПУШКИНСКИХ
КОНФЕРЕНЦИЙ

25-27 АПРЕЛЯ 1949 Г.
и
6-8 ИЮНЯ 1950 Г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1952